

*Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой*

Мария
Метлицкая

Женщина-отгадка

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.

М54 Женщина-отгадка : сборник / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-236358-0

Для Марии Метлицкой нет неинтересных судеб. Она уверена: каждая женщина, даже на первый взгляд ничем не примечательная, — загадка. Почему ее героиня поступила так или иначе? Почему пожертвовала своим покоем, комфортом ради близкого, а иногда и не очень близкого человека? Почему полюбила того, кто никогда не сможет сделать ее счастливой? Неужели дело в пресловутой женской логике, точнее в отсутствии логического мышления, в чем так часто упрекают женщин?

Конечно, нет. Дело в том, что женщины верят своему сердцу. А оно логике не подчиняется. Именно поэтому отгадать мотивы женских поступков так сложно. И так интересно.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236358-0

© Метлицкая М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЖЕНЩИНА-ОТГАДКА

Конечно, она пришла по рекомендации — по-другому и быть не могло. Вариант типа агентства не для меня, хотя жизнь показывает, что бывает всякое. И рекомендация эта была через десятые руки. Но так все же спокойнее. Появилась она точно в назначенное время. Лично меня это всегда подкупает. Итак, она стояла на пороге. В полутьме прихожей она показалась мне почти девочкой, но при дневном свете я увидела и морщинки, и руки, и глаза, и несколько седых волос на голове. В общем, все сходилось — лет тридцать семь — тридцать девять, как и было заявлено, — идеальный возраст для помощницы по хозяйству: опыт *уже* есть, а силы *еще* есть. Просто она была из тех женщин, которые вне возраста. Из серии — маленькая собачка, которая, как известно, и в старости ценюк. Одетая она была более чем скромно — в серо-черных тонах, и, по-моему, это ей не шло, оттого, что в самом ее облике не было никакого акцента. Вроде и придраться не к чему, а все как-то очень незначительно: носик, глазки, ротик — все неплохо, а взгляду зацепиться не за что. Хотя всем известно, что именно из таких вот женщин можно вполне сваять и красавицу — черты лица позволяют. Но сейчас передо мной была классическая женщина-невидимка. Из тех, с кем пять раз увидишься, а на шестой

Мария Метлицкая

пройдешь мимо и не узнаешь. Ничего лишнего она не говорила — только тихим и ровным голосом, не поднимая глаз, отвечала на мои вопросы. «Подходит!» — подумала я, наученная горьким опытом. Я ее не почувствую. Она удачно мимикрирует под мое жилищное пространство, и я ее не замечу. А это в моем случае главное. Устала я от подробностей про мужа-идиота (естественно), про детей-сволочей (а как же иначе), про гадину-свекровь (ну, это и так ясно), про проблемы климакса (приливы-отливы, а то я не знаю), про большую поджелудочную (тошнит после копченой колбасы. Тошнит — не жри). И про то, что дубленке пятнадцать лет и денег, конечно, не хватает. А еще плюс к этому всему — пойдёмте кофейку погоняем (раза три-четыре). И как хорошо, что у вас дома курят! Да нет, конечно же, не кофе жалко и не сигарет. Жалко времени. До боли. И еще — себя. Ну зачем мне все это? И за мои же, заметьте, деньги. Да-да, я всем готова посочувствовать, но мне же тоже есть чем заняться. Обычно я все это говорю подругам и страстно возмущаюсь. Но противостоять, увы, не могу. Теряю время, варю кофе, курю лишние сигареты, мою чашки. Раздражаюсь. Злюсь на себя. И боюсь обидеть человека. Всякое в жизни бывает. Плавали, знаем. В этой стране — что с сумой, что с тюрьмой в перспективе встретиться может каждый. Ведь могло быть и все наоборот — это я могла бы тереть ее унитаза и пылесосить ее ковер, если бы по-другому сложились обстоятельства. Зачем же обижать хорошего, в общем-то, человека.

Я внимательно разглядываю свою молчаливую гостью, и мне кажется, что ничего из вышеперечисленного мне в данном случае не грозит. Мы легко договариваемся о цене и обозначаем ее присутственный день. Кстати, у нее роскошное и богатое имя — Вероника. Ну пусть хоть имя. В общем, получилось так, как я и предполагала. Она приходила точно в назначенный час. Снима-

Женщина-отгадка

ла свою курточку и брючки, аккуратно на коврик у двери ставила свои ботиночки (максимум тридцать четвертый размер). Переодевалась в старые джинсы.

Неладное (как ей показалось) заподозрила моя недоверчивая дочь. Эта Вероника ей категорически не нравилась. Объясняла она это так:

— Она мне непонятна, темная лошадка, что-то меня настораживает.

— Ну и что? — возмущалась я. — Она имеет право быть тебе непонятной. Все люди разные. И потом, если тебе что-то неясно, это не значит, что это плохо. Тоже мне — Ниро Вульф вместе с Пинкертоном.

— Нет, что-то здесь не то, — повторяла моя дочь.

И однажды эта доморощенная миссис Марпл зашипела мне на ухо и пальцем поманила в коридор. Вероника мыла окна на балконе.

— Смотри, — зловеще прошептала дочь и вывернула наизнанку курточку на вешалке. На бирке стояла марка известного итальянского дизайнера. Брендвое имя, стоящее действительно бешеных денег. Вот тебе и серенькая курточка. Все-таки ничего я в этом не смыслю. Потом с тем же зловещим видом моя пронизательная дочь сунула мне под нос ботиночки.

— А это тебе как? — злорадно поинтересовалась она. На фланелевой серой подкладке скромных черных ботиночек я прочла тоже весьма знаковое имя. Я быстро представила стоимость этих черевичек. К этой марке я давно присматривалась. Правда, на этом наша встреча и закончилась — так, покрутила в руках и со стуком поставила на место. Цена на ботинки и мои финансовые возможности, увы, не совпали.

— Ну, что скажешь? — шептала дочь, вращая глазами.

— Может, подделка, — вяло предположила я. — В Конькове и не такое бывает.

Мария Метлицкая

— Не бывает, — отрезала дочь. — Дураку ясно, что это не палево.

— Значит, дураку ясно, а мне нет, — вздохнула я.

— Не прикидывайся, — почему-то разозлилась дочь. — Я тебе говорю, что что-то тут нечисто.

— А-а, — сообразила я, — наверное, это ей отдал кто-то из клиентов, ну, к кому она ходит убираться. Так часто делают. Помнишь, мы отдали твою старую дубленку Нине Васильевне? — Я радовалась своей сообразительности.

— Как же, отдадут такое, да еще совсем невыношенное. Да и размер тридцать четыре. Сейчас такого ни у кого и нет.

И правда, все мутируют, нормальный женский размер сейчас ближе к сороковому.

— Нет, что-то тут не так, — продолжала свои логические этюды моя любознательная дочь. — Ну не нравится мне эта тихушница. И ничего мы про нее не знаем. Глупо радоваться тому, что она помалкивает. А что у нее в голове? Это настораживает.

— Отстань, — отмахнулась я и посоветовала ей заняться делом.

А в апреле Вероника мне позвонила и еще более тихим, чем обычно, голосом, извинилась — прийти она не может, так как свалила ее тяжелая двусторонняя пневмония. Видимо, после слишком раннего мытья чьих-то окон. Я ее заверила, что переживать нечего, пусть спокойно лечится и поправляется. Она закашлялась и, помолчав, спросила: не могли бы мы встретиться, чтобы ей получить зарплату. Обычно я платила ей в конце рабочего месяца. Я ответила: конечно, о чем разговор. И категорически возразила против встречи где-нибудь на полпути, как предложила она. При ее-то диагнозе и самочувствии! Я предложила ей завести деньги, тем более что сегодня собиралась двигаться в том же направлении.

Женщина-отгадка

Она помолчала и со вздохом согласилась. Я записала адрес. На мою радость, на плите стояла целая кастрюля куриного бульона, сваренного час назад. Я налила бульон в двухлитровую банку и положила туда половину курицы, по дороге купила гранаты и мандарины. Через сорок минут я стояла у ее порога. Она открыла мне дверь — бледная, с чернотой под глазами, с испариной на лбу, в длинной ночной сорочке, держась рукой за дверной косяк. На мои гостинцы среагировала с большим смущением:

— Господи, что вы, разве нужно все это было! Вы и так мне сделали такое одолжение.

— Ерунда, — отрезала я, — и не благодарите. С каждым может случиться. Может, в аптеку сходить?

Она села на кровать.

— Извините, кружится голова. Нет, спасибо, лекарства все есть.

— А бульон? Давайте я разогрею бульон, — предложила я.

Она покраснела и кивнула.

Я пошла на кухню, достала кастрюлю и стала разогревать бульон. Пока шел процесс, я села на табуретку и огляделась. Квартира была явно съемная, нищая и убогая. Правда, было очень чисто. В съемных квартирах, как правило, есть какая-то жалкая и тревожная близость — ни фотографий, ни каких-либо элементов уюта — статуэток, картинок, цветов в горшках.

Все как бы напоминает о том, что здесь поселились временно, не навсегда. Я налила бульон в чашку — так удобнее пить — и положила на тарелку вареную куриную ногу. Вероника полусидела на кровати и очень смущалась.

— Ну, теперь вы за мной ухаживаете, — лепетала она.

— Ничего страшного, — ободрила ее я. Она с жадностью выпила бульон — было видно, что голодна. Я оставила на журнальном столике деньги и уже собралась уходить, но тут вспомнила про гранаты. Я пошла на

Мария Метлицкая

кухню и стала их чистить, складывая зерна в литровую банку. Потом ложкой будет есть — вряд ли у нее есть силы почистить их самой. Из комнаты она опять извинилась, что, дескать, зря я это затеяла, и так столько времени потеряла.

— Расслабьтесь, — посоветовала я. — Вам вредно беспокоиться. Сейчас все сделаю и пойду, а вам хорошо бы поспать.

Когда спустя полчаса я зашла в комнату, Вероника уже спала — бледная, с почти бескровными губами и влажными, прилипшими ко лбу волосами — ну просто птичка божья. Я поставила банку с гранатовыми зернами на убогую колченогую табуретку возле ее кровати и собралась уходить. Тут Вероника открыла глаза.

— Я пойду, — шепнула я, — а вы спите, спите.

— Не хочется, выспалась уже, — улыбнулась она. — Посидите еще чуть-чуть, если вы не спешите.

Я кивнула и опустилась в старое, потертое кресло — такие обычно стоят в коридорах районных поликлиник. Мы обе молчали. На древнем полированном секретере стояла фотография ребенка, мальчика, в дорогой, красивой рамке, совсем не вписывающейся в убогость обстановки.

— Сын? — спросила я.

Она кивнула.

— В школе сейчас? — Не то что мне было очень интересно, просто сложно было сидеть и молчать. Она молчала и смотрела в одну точку.

— Не знаю, — сказала она тихо, — не знаю, в школе сейчас или еще где-либо. Он живет отдельно от меня.

— С вашей мамой? — догадалась я.

— Нет, — она мотнула головой, — он живет со своим отцом. Моим бывшим мужем.

И мы опять неловко замолчали. Я поняла, что тут совсем все непросто, и выключила свое любопытство. Но она продолжила сама:

Женщина-отгадка

— У меня были муж, сын, было все, даже больше, чем человеку нужно. Муж был богат, были дом, машина, прислуга. Да, и прислуга, и кухарка, и садовник, и шофер. Вы удивлены? И еще сын. Теперь, как видите, нет ничего, кроме этой съемной квартиры. Но я счастлива. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнула. Она стала сильно кашлять и с трудом поднялась на подушках. Я принесла из кухни воды.

— Я пойду, Вероника. К чему вам сейчас нервничать, — осторожно сказала я.

С какой-то немыслимой тоской в глазах она посмотрела на меня:

— Очень задерживаю вас, да?

— Да нет, просто вам так будет лучше, — предположила я.

Она покачала головой, и я покорно опустилась в кресло.

Откашлявшись, она продолжала:

— Я окончила балетное училище, потом была травма колена, так, небольшая, но из классического балета пришлось уйти — было трудно. Правда, и на приму я никогда не тянула. А вот в танцы взяли. — И она назвала самый известный танцевальный коллектив. — В общем, там все сложилось — и гастролы, и деньги, и поклонники. За одного из них я вышла замуж. Он уже тогда набирал значительные обороты, хотя богат еще не был. — Она оперлась на руки и подалась чуть вперед. — Откройте дверцу — там альбом.

Я послушно встала и подошла к секретеру. Там действительно лежал большой кожаный и тяжелый альбом.

— Открывайте, не стесняйтесь, — сказала она.

Я открыла альбом. На блестящих, глянцевых, ярких фотографиях развернулась во всей красе явно небедная жизнь. Загородный особняк, ухоженные лужайки с фонтанчиками, роскошное внутреннее убранство до-

Мария Метлицкая

ма, сверкающий лак шикарного авто. Но главное не это. А главное — сама Вероника, узнаваемая с невероятным трудом — молодая, тоненькая, прекрасная, ухоженная до блеска, в потрясающей шубе до пят, с гладкой «балетной» головкой и искусным макияжем. Абсолютная красавица! От серой мышки нет и следа! На некоторых фотографиях был и ее ребенок, хорошенький, кудрявый мальчик, и солидный, лысоватый мужчина, скорее всего муж, от которого за версту пахло большими деньгами. Я закрыла альбом и посмотрела на Веронику. Видимо, в моих глазах она увидела и жалость, и сочувствие. Кроме любопытства, конечно.

— Не думайте меня жалеть, — сказала она твердо. — Я все это сделала сама, сознательно. И ни о чем не жалею.

— Что «это»? — наконец не удержалась я.

Она вытерла ладонью влажный лоб и тихо сказала:

— Я влюбилась. Безудержно. Ничто не могло меня остановить. Несчастный случай. — Она рассмеялась. — Он моложе меня на десять лет, тоже танцор. Познакомились мы с ним на юбилее нашего коллектива. Я, правда, тогда уже не работала: не по ранжиру — муж запретил. И сразу у обоих абсолютно снесло крышу. Вариантов не было. Отступление не рассматривалось. Я ходила как подстреленная, с безумными глазами. Даже особенно и не скрывала ничего. Мне было все равно. Муж, естественно, все довольно быстро узнал. Не заметить всего этого мог бы только слепой. Мы стали разбираться, и я сказала, что ничего с собой поделывать не могу. А он человек жесткий и конкретный. Сказал, что дает мне один шанс — подумать до утра. Исключительно ради ребенка. Чтобы я обрубила все на корню и одним махом. Знаете, так странно — в ту ночь я очень крепко спала. А утром сказала ему, что ничего поделывать с собой не могу. Тогда он предложил мне собрать вещи — на сборы дал три часа. В общем, я собрала, что сумела, и ушла

Женщина-отгадка

с двумя чемоданами. — Она вздохнула и закрыла глаза. Было видно, что она очень устала. Молчали мы минут десять. Первой не выдержала я:

— А сын?

— Ну, — усмехнулась она, — здесь же и так все понятно. Как ведут себя в подобных ситуациях сильные мира сего? Как они все это решают? Да и потом, кто же такой матери отдаст ребенка? И что я смогу ему дать? В общем, с его деньгами и связями... Правда, царской милостью мне разрешено видеться с ребенком два раза в год. Я на такое благородство и не рассчитывала. Сначала было невыносимо. А теперь я привыкла. А так — я жива. И почти здорова, — улыбнулась она. — И вообще, у меня все хорошо. С моим любимым мы живем душа в душу. А то, что денег не хватает, так это можно пережить. Ведь не бывает все и по полной. Всегда приходится чем-то жертвовать. Из чего-то выбирать. — Она опять зашлась в сильном кашле.

— Я сделаю вам чаю, — предложила я и вышла на кухню. Очень захотелось курить. Я плотно закрыла кухонную дверь и с трудом открыла ветхую форточку.

Ничего себе жертва, подумала я. Я бы считала, что жертвой было бы остаться с нелюбимым мужем, только бы рядом с ребенком, да и как можно все это ставить на одни весы? Какие мужики? Ну просто нет на свете таких мужиков, ну не родились они просто, чтобы можно было выбирать между ними и собственным ребенком. Для меня это было определено константой. Хотя я не была — и слава богу! — в такой ситуации. Да и жизнь за эти годы объяснила подробно, что такое компромиссы. И все же, если это компромисс... Понять до конца я этого всего, видимо, не способна. Для меня всегда был ребенок и — все остальное. Но мы же все такие разные. Да, не выглядит она счастливым человеком. А много ли я видела абсолютно счастливых людей? В общем,

Мария Метлицкая

как сказал поэт, каждый выбирает по себе. И для себя. И в этом главная мудрость. Но все же ее очень жалко почему-то. Я налила чаю в большую щербатую кружку и выдавила туда половину лимона. Когда я зашла в комнату, Вероника опять дремала. Я посмотрела на часы — все мои планы на сегодня рассыпались как карточный домик. День был сбит и потерян.

Я позвонила ей на следующий день и спросила, не нужна ли ей моя помощь. Она вежливо и сухо отказалась. Я пожелала ей здоровья и сказала, чтобы она не беспокоилась насчет работы — скоро майские, а в начале мая я обычно уезжаю на дачу. Я всегда старалась уехать пораньше — на даче мне спокойнее и лучше работалось. Договорились, что она позвонит мне в начале сентября, когда закончится дачный сезон. И мы вернемся к нашим прежним деловым отношениям.

Быстро пролетело, как всегда, такое стремительное и короткое лето, и в сентябре навалились полным объемом домашние хлопоты. Я помнила о Веронике, но что-то мне мешало позвонить ей самой. К концу сентября она так и не объявилась, и я с чистой душой начала обзванивать знакомых с целью найти помощницу по хозяйству — как это интеллигентно мы называем сейчас. Женщина, конечно же, нашлась, и через пару дней она стояла на пороге моей квартиры: примерно моих лет, крупная, одышливая, ярко покрашенная, в пышном и пестром наряде. Очень говорливая и довольно громкая. Я предложила ей чаю — она попросила кофе. Выпила две чашки, съела пару бутербродов, обрадовалась, что в моем доме курят, и выкурила три сигареты подряд. Дальше все было по схеме. Я узнала про пьющего мужа — сволочь, конечно. Про стерву дочь — шляется, красится, как матрешка, курит-выпивает, работать не желает. Про гадину, естественно, свекровь, совсем выжившую из ума. Про симптомы климакса — подробно. Про то, что

Женщина-отгадка

денег не хватает — продукты дорожают, правительство врет, как всегда, о простых людях не думает. Подружки в основном курвы. Про то, где лучше покупать мясо. Про сестру-брошенку из деревни Липки Калужской области.

— Убираюсь я шустро — будете очень даже довольны! Но люблю во время работы попеть — это как, ничего? Не помешает?

Я сидела и кивала, как китайский болванчик. Начиная болеть голова. Потом она тяжело вздохнула и предложила начать прямо сейчас. Чего откладывать, раз уж все равно приехала на другой конец Москвы? Честно говоря, у меня были другие планы, и я на это не рассчитывала. Но отказать было как-то неловко. Она стянула платье в крупных пионах (точно — рынок!), надела на мощное тело растянутые треники и мужскую футболку. И принялась за дело.

Я зашла в свою комнату и плотно закрыла дверь. Из коридора доносились знакомые звуки:

— Мой мармеладный, я неправа.

По крайней мере, здесь все ясно и без тайн, которые, как известно, настораживают. Сейчас в моем доме был абсолютно понятный мне человек, и я не испытывала неловкости оттого, что она мыла мой унитаз. Неудобство — может быть. Но точно не неловкость. Мне не прислуживала жена олигарха, пусть даже бывшая жена. Эта женщина была на своем месте. Женщина-отгадка. Без ореола непонятности и тайны. И мне было вполне комфортно. В собственной квартире, между прочим.

Я занервничала — чем кормить мою новую фрекен Бок на обед, она-то точно не откажется. Потом вспомнила, что в холодильнике есть зеленые щи и рыбные котлеты и, успокоившись, села за письменный стол. Моя певунья всю гремела стульями. Я достала беруши и взяла лист бумаги и ручку. На сердце было ясно и спокойно. Я принялась за работу.

БАБЬЕ ЛЕТО

Все, как всегда, получилось кувыркком из-за этой дуры Инки. Прости господи, все-таки родное дитя. Позвонила, естественно, среди ночи. Кой черт ей задумываться, что мать, приняв очередную дозу снотворного, наконец заснула. У них-то в Москве белый день! Орать начала сразу, с разбега, орать и рыдать — одновременно. Это у нее отработано — с детства опыт неслабый. Пока Стефа врубилась, попробовала ее хоть как-то на секунду прервать и понять наконец, в чем дело, прошло минут пятнадцать.

Анька тоже, конечно, проснулась, а у нее со сном тоже не ахти.

В конце концов Стефа поняла, что внук Тема в больнице, какой-то сложный перелом голени, хорошего не обещают, возможны осложнения — в общем, надо менять билет и срочно лететь в Москву. Стефа сидела на кровати, опустив голову, свесив ноги, и монотонно приговаривала:

— Да, да. Я все поняла, поняла, конечно, буду, завтра все сделаю, да, буду, буду.

Анька стояла над ней в белой ночной рубашке до полу, скрестив руки на груди. Стефа положила трубку и подняла на подругу глаза:

Бабы лето

— Ты как привидение, господи!

Анька, не поменяв позы, сурово спросила:

— Ну что там опять?

Стефа махнула рукой:

— Тема в больнице, ничего страшного. Но ты же знаешь Инку! Придется менять билет.

— Идем на кухню, — предложила Анька.

Они сели на высокие кухонные табуретки (Анька называла их насестом), закурили, и Анька ловким, отработанным движением плеснула виски в стаканы с тяжелым дном.

— Ну и!.. — грозно изрекла она.

— Буду менять билет, — вздыхая, ответила Стефа.

Несколько минут они молчали. А потом, естественно, Анька разразилась. Гнев ее был логичен и справедлив, так же, как и доводы. «И Инна твоя придурочная — тебе не привыкать, и с Темой, слава богу — тьфу-тьфу, ничего страшного. И осталось всего пять дней. И когда они тебя оставят в покое, эгоисты, сволочи!»

Стефа задумчиво смотрела в одну точку.

— Никогда, — сказала она.

— В смысле? — уточнила Анька.

— В смысле не оставят в покое, — устало бросила Стефа. Потом взмолилась: — Слушай, пойдем спать, может, еще прихватим часок-другой, а?

Анька махнула рукой и в сердцах почти швырнула пустой стакан в мойку.

— Ну не злись, — попросила ее Стефа. — Если еще и тебе надо объяснять...

Анька сдаваться не собиралась.

— Да что там объяснять? Взрослая баба, тридцать лет, а висит хомутом на твоей шее. Вместе с дебилом мужем и со своим отмороженным папашей. Доколе? Я тебя спрашиваю. Ну сколько это еще будет продолжаться?

Мария Метлицкая

Стефа устало махнула рукой:

— Всю мою жизнь. Разве это тебе непонятно?

— А не ехать, забить? — не унималась Анька.

— Посуди: что для меня будут эти пять дней? Совсем с катушек съеду. Ну и потом, мальчик же и вправду в больнице.

— Ну, давай, давай, — бросила Анька и пошла к себе.

Понятное дело, уснуть не удалось. Думала про внука, про обмен билета — удастся ли еще? Про Анькину обиду, про сломанный отпуск. В семь поднялась и пошла в душ. Выпила кофе, стало чуть легче.

В девять они с Анькой сели в машину и поехали на Манхэттен — в представительство «Аэрофлота». Билет, слава богу, поменяли. Перекусили в суши-баре, двадцать пять долларов — ешь сколько влезет. После Москвы — халява.

Вспомнили, что надо докупить подарки, рванули в любимый «Маршалс» — суетливо мотались от одной полки к другой, но все равно получилось спешно, дорого и бестолково.

Сели выпить кофе и отдышаться. Анька прокомментировала:

— Вам сейчас что-то возить — одна морока. У вас есть все, что здесь, и даже лучше. Это не прежние дивные времена: пачку тампакса, часы за доллар, зонтик за два — и ты благодетель. А сейчас?

Стефа не соглашалась:

— Подарки любят все. Я своим даже из Тулы подарки везу.

— Самовары? — поинтересовалась Анька и, помолчав, добавила: — Ну и дура!

Дома пытались упаковаться — места в чемодане, как всегда, не хватило. Анька полезла в кладовку и достала старую, пыльную, желтую сумку «Адидас» — кое-как все распихали.

Бабье лето

Ну а потом, конечно, начался треп. Про все — про мужей, бывших любовников, родителей.

— Нет, это счастье, что у меня нет детей, — уверенно говорила Анька.

«Ну-ну, — думала Стефа. — А то я не знаю, сколько лет ты маялась. Хотя, конечно, положи руку на сердце, правда в этом есть. Особенно когда думаешь о своей любимой дочурке».

В двенадцать разошлись по комнатам — в шесть утра надо было уже выезжать из дома.

Стефа стала почти засыпать и вдруг почувствовала какое-то движение возле себя. У кровати стояла Анька и держала что-то темное в руках. Стефа испуганно подскочила.

— Что это? — шепотом спросила она.

— Шуба, — ответила Анька и бросила что-то на кровать. Зажгла свет.

На кровати, почти накрыв Стефу, переливалась и сверкала шоколадным блеском норковая шуба.

— Ты спятила, она ж новая! — прошептала обалдевшая Стефа.

— Ну и хрен с ней, надену здесь два раза за зиму, а ты поносишь.

— Нет-нет! — заверещала Стефа. — Не возьму ни за что, даже не думай. Тоже мне, любовница Абрамовича нашлась!

Они еще долго препирались, перебрасывая почти невесомую шубу с рук на руки, потом устали, сели обнявшись на кровати и дружно заревели — от близости, от чувств, оттого, что вся жизнь (ну, почти вся) прошла вместе и даже те последние пятнадцать лет, что их разделяли материки и океаны, они все равно оставались самыми близкими на свете людьми.

Потом пошли на кухню курить. Выпили чай, съели по бутерброду, кляня себя за несдержанность. Опять

Мария Метлицкая

плакали и смеялись и, наконец, разошлись по углам — каждая в своих нелегких думах.

Стефа думала о тотальном вдовьем одиночестве Аньки. Да, деньги, слава богу, есть, дом выплачен, старости можно не страшиться — а она не за горами. О том, что ближе и роднее Аньки нет никого на свете: общее детство, молодость — что может связать крепче и сильнее? Еще о том, что бог вещь когда сможет опять выбраться в Нью-Йорк — деньги, болезни, работа, семья, все так непросто. В общем, жизнь не прошла — проскочила, как случайный воришка, схвативший что-то с испугом. Тревожилась о внуке, думала о своей нелепой дочери — надежды на ее взросление, осмысление и понимание жизни становились все прозрачней. Все ждала — перерастет. Как же. В сотый раз задавала себе одни и те же вопросы: когда ошиблась, что пропустила? И снова не могла на них ответить.

Анька тоже не спала — сначала почитала какую-то чушь, потом выключила ночник — и мысли, мысли... Как там поет их певец? «Мои мысли, мои скакуны»? Вот именно, скакуны. Про любимую подружку, почти сестру, да что там, не у всех сестер такая близость, как у них. Про ее домашних мучителей, про то, что Стефе уже пятьдесят, а покоя нет и не предвидится. И конечно, про свое: завтра она останется опять одна в прекрасном, удобном доме, с роскошной машиной в гараже — и со своим беспросветным и бесконечным, уходящим за горизонт одиночеством. И со стаканом виски по вечерам. Только не будет Стефки с ее тревожным взглядом на этот самый стакан.

В аэропорт ехали больше двух часов.

— Поспи, — предложила Анька, глядя на бледное Стефино лицо.

— В самолете посплю. Поем и посплю, — мечтательно повторила подруга.